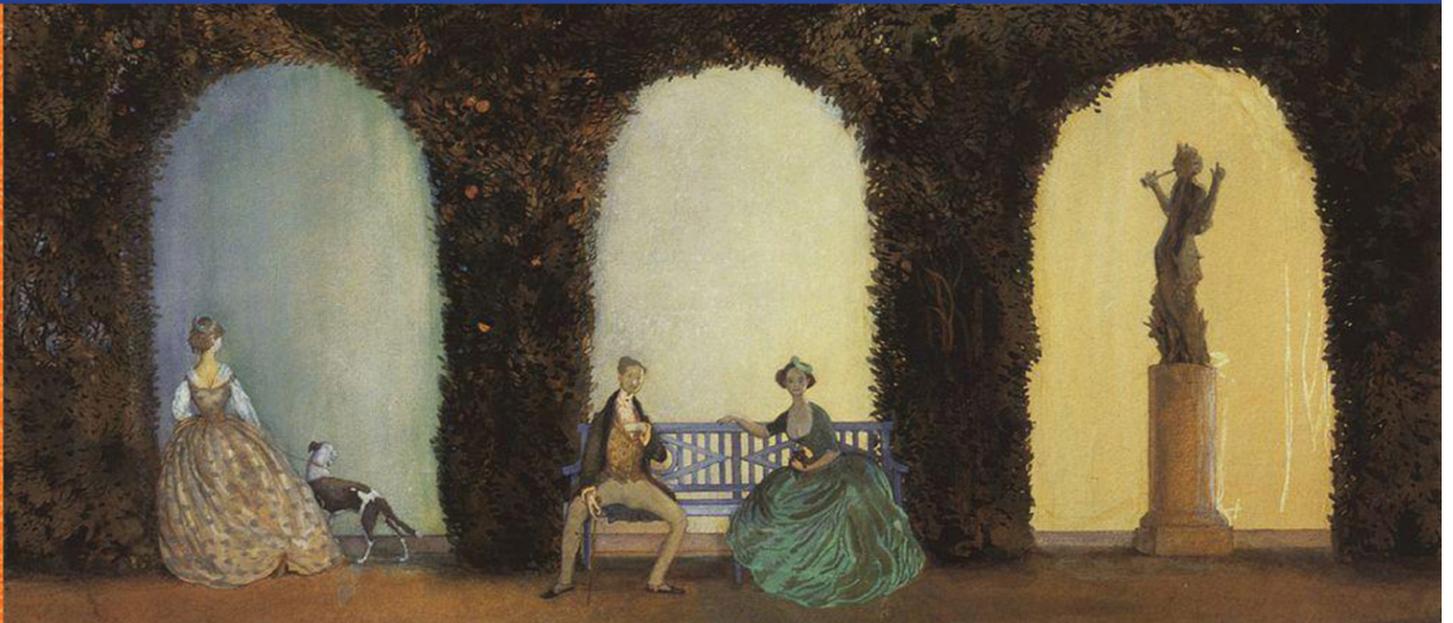

Григорий Горин

Избранные страницы

ФТМ

Григорий Горин
Избранные страницы

«ФТМ»

Горин Г. И.

Избранные страницы / Г. И. Горин — «ФТМ»,

Не знаю, как у других писателей, а у меня за жизнь как-то само собой набралось уже несколько автобиографий. За долгие годы сочинительства я выпустил много разных книг в разных жанрах, и к каждой приходилось подбирать соответствующую автобиографию. В предисловии к сборнику пьес сообщалось, что как драматург я родился в 1968 году. В сборнике киноповестей год моего рождения – 1970-й. Поскольку перед вами сборник юмористических произведений, то сейчас хочу всех уведомить, что как юморист я появился на свет гораздо раньше. Произошло это в Москве 12 марта 1940 года. Ровно в 12 часов дня... именно в полдень по радио начали передавать правительственное сообщение о заключении мира в войне с Финляндией. Это известие вызвало огромную радость в родовой палате. Акушерки и врачи возликовали, и некоторые даже бросились танцевать. Роженицы, у которых мужья были в армии, позабыв про боль, смеялись и аплодировали. И тут появился я. И отчаянно стал кричать, чем вызвал дополнительный взрыв радости у собравшейся в палате публики. Собственно говоря, это было мое первое публичное выступление. Не скажу, что помню его в деталях, но странное чувство, когда ты орешь во весь голос, а все вокруг смеются, вошло в подсознание и, думаю, в какой-то мере определило мою творческую судьбу... Григорий Горин

© Горин Г. И.

© ФТМ

Содержание

От Автора	5
Рассказы (1960—1985 гг.)	7
Почему повязка на ноге?	7
Случай на фабрике № 6	9
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Григорий Горин

Избранные страницы

От Автора

Не знаю, как у других писателей, а у меня за жизнь как-то само собой набралось уже несколько автобиографий. За долгие годы сочинительства я выпустил много разных книг в разных жанрах, и к каждой приходилось подбирать соответствующую автобиографию.

В предисловии к сборнику пьес сообщалось, что как драматург я родился в 1968 году. В сборнике киноповестей год моего рождения – 1970-й. Поскольку перед вами сборник юмористических произведений, то сейчас хочу всех уведомить, что как юморист я появился на свет гораздо раньше.

Произошло это в Москве 12 марта 1940 года. Ровно в 12 часов дня... именно в полдень по радио начали передавать правительственное сообщение о заключении мира в войне с Финляндией. Это известие вызвало огромную радость в родовой палате. Акушерки и врачи возликовали, и некоторые даже бросились танцевать. Роженицы, у которых мужья были в армии, позабыв про боль, смеялись и аплодировали.

И тут появился я. И отчаянно стал кричать, чем вызвал дополнительный взрыв радости у собравшейся в палате публики. Собственно говоря, это было мое первое публичное выступление.

Не скажу, что помню его в деталях, но странное чувство, когда ты орешь во весь голос, а все вокруг смеются, вошло в подсознание и, думаю, в какой-то мере определило мою творческую судьбу...

Писать я начал очень рано. Читать – несколько позже. Это, к сожалению, пагубно отразилось на моем творческом воображении. Уже в семь лет я насочинял массу стихов, но не про то, что видел вокруг, скажем, в коммунальной квартире, где проживала наша семья, а в основном про то, что слышал по радио. По радио тогда шла холодная война с империалистами, в которую я немедленно включился, обрушившись стихами на Чан Кайши, Ли Сынмана, Адэнауэра, де Голля и прочих абсолютно неизвестных мне политических деятелей:

Воротилы Уолл-стрита,
Ваша карта будет бита!
Мы, народы всей Земли,
Приговор вам свой произнесли!..

и т. д.

Почему я считал себя «народами всей Земли», даже и не знаю. Но угроза подействовала! Стихи политически грамотного вундеркинда стали часто печатать в газетах.

В девять лет меня привели к Самуилу Яковлевичу Маршаку.

Старый добрый поэт слушал мои стихи с улыбкой, иногда качал головой и повторял: «Ох, господи, господи!..» Это почему-то воспринималось мною как похвала.

– Ему стоит писать дальше? – спросила руководительница литературного кружка, которая привела меня к нему.

– Обязательно! – сказал Маршак. – Мальчик поразительно улавливает все штампы нашей пропаганды. Это ему пригодится. Если поумнеет, станет сатириком! – и, вздохнув, добавил: – Впрочем, если станет, то, значит, поумнеет до конца...

Так окончательно определился мой литературный жанр.

Заканчивая школу, я уже твердо решил, что стану писателем. Поэтому поступил в медицинский институт.

Это было особое высшее учебное заведение, где учили не только наукам, но премудростям жизни. Причем делали это, по возможности, весело.

Вспоминаю, например, нашего заведующего кафедрой акушерства, профессора Жмакина, который ставил на экзаменах студентам примерно такие задачи:

«Представьте, коллега, вы дежурите в приемном отделении. Привезли женщину. Восемь месяцев беременности. Начались схватки... Воды отошли... Свет погас... Акушерка побежала за монтером... Давление падает... Сестра-хозяйка потеряла ключи от процедурной... Заведующего вызвали в райком на совещание... Вы – главный! Что будете делать, коллега? Включаем секундомер... Думайте! Все! Женщина умерла! Вы – в тюрьме! Освободитесь – приходите на переэкзаменовку!...»

Тогда нам это казалось иезуитством. Потом на практике убедились, что наша жизнь может ставить задачки и потрудней, и если медик не сохранит в любой ситуации чувство юмора, то погубит и пациента, и себя...

Учась в медицинском институте, а затем работая врачом в Москве на станции «Скорая помощь», я продолжал писать рассказы и фельетоны. При этом настолько усовершенствовал себя в создании смешных ситуаций, что вскоре был принят в Союз писателей, но вынужден был оставить медицину в покое. (Многие из недолеченных мною пациентов живы до сих пор и пишут мне благодарственные письма за этот мужественный поступок...) Так я был причислен к разряду «писателей-сатириков». Сам же я себя считал только юмористом. Для меня «сатирики» – это узаконенные обществом борцы, призванные сделать окружающую жизнь лучше. Я же давно заметил, что наша жизнь от стараний писателей лучше не становится. Ее можно сделать чуть легче, если научить читателей не впадать в отчаяние... Этому благородному занятию я и посвятил значительную часть своей жизни...

Впрочем, вскоре юморески мне стали надоедать. Один мой знакомый сексопатолог, изучая психологию мужчин, обнаружил, что после сорока лет их более возбуждают крупные формы... в отношении женщин – не уверен, но в литературе – безусловно. Поэтому с середины 80-х годов я перестал писать юмористические рассказы, переключившись полностью на сочинение пьес и киносценариев.

Но тот же сексопатолог утверждает, что после шестидесяти мужчин снова начинает привлекать нечто хрупкое и миниатюрное.

Поскольку я стремительно приближаюсь к указанному возрасту, то все более и более мне хочется вернуться к малым юмористическим формам. Это чувство точно передал Ф. Искандер в стихотворении, обращенном к самому себе:

Присядь же на обломках жизни
И напиши еще хоть раз
Для неулыбчивой отчизны
Юмористический рассказ...

Это то, чем мне бы очень хотелось в дальнейшем заняться.

А пока публикую юмористические рассказы, написанные раньше... Поскольку в нашей стране, даже при ее стремительном развитии, по сути мало что меняется, разные поколения смеются все время примерно над одним и тем же...

Григорий ГОРИН

Рассказы (1960—1985 гг.)

Почему повязка на ноге?

Есть такой анекдот.

Приходит больной к доктору. У больного забинтована нога.

– Что у вас болит? – спрашивает доктор.

– Голова, – отвечает больной.

– А почему повязка на ноге?

– Сползла...

Я как-то рассказал этот анекдот, сидя в гостях у знакомых. Просили рассказать что-нибудь смешное – вот я и рассказал.

Все засмеялись.

Только пожилой мужчина, сидевший за столом напротив, как-то странно посмотрел на меня, задумался и затем, перегнувшись через стол, сказал:

– Простите, я, вероятно, не понял... У больного что болело?

– Голова.

– А почему же повязка на ноге?

– Сползла.

– Так! – грустно сказал мужчина и почему-то вздохнул. Потом он снова задумался.

– Не понимаю! – сказал он через несколько минут. – Не улавливаю здесь юмора!.. Давайте рассуждать логически: ведь у больного болела голова, не так ли?

– Голова.

– Но почему же повязка была на ноге?

– Сползла!

– Странно! – сказал мужчина и встал из-за стола. Он подошел к окну и долго курил, задумчиво глядя в темноту. Я пил чай. Через некоторое время он отошел от окна и, подсев ко мне, тихо сказал:

– Режьте меня – не могу понять соль анекдота! Ведь если у человека болит голова, на кой же черт ему завязывать ногу?

– Да он не завязывал ногу! – сказал я. – Он завязал голову!

– А как же повязка оказалась на ноге?!

– Сползла...

Он встал и внимательно посмотрел мне в глаза.

– Ну-ка выйдем! – вдруг решительно сказал он. – Поговорить надо!

Мы вышли в прихожую.

– Слушайте, – сказал он, положив мне руку на плечо, – это действительно смешной анекдот, или вы шутите?

– По-моему, смешной! – сказал я.

– А в чем здесь юмор?

– Не знаю, – сказал я. – Смешной и все!

– Может быть, вы упустили какую-нибудь деталь?

– Какую еще деталь?

– Ну, скажем, больной был одноногим?

– Это еще почему?!

– Если считать возможным, что повязка действительно сползла, то она, проползая по всему телу, должна была бы захватить обе ноги!.. Или же это был одноногий инвалид...

- Нет! – решительно отверг я это предположение. – Больной не был инвалидом!
- Тогда как же повязка оказалась на ноге?
- Сползла! – прошептал я.
- Он вытер холодный пот.
- Может, этот доктор был Рабинович? – неожиданно спросил он.
- Это в каком смысле?! – не понял я.
- Ну, в каком смысле можно быть Рабиновичем?.. В смешном смысле...
- Нет, – отрезал я. – В этом смысле он не был Рабиновичем.
- А кто он был в этом смысле?
- Не знаю! Возможно, англичанин или киргиз...
- Почему киргиз?
- Потому что папа у него был киргиз и мама – киргизка!
- Ну да, – понимающе кивнул он, – если родители киргизы, тогда конечно...
- Вот и славно! – обрадовался я. – Наконец вам все ясно...
- Мне не ясно, что же у больного все-таки болело!
- Всего хорошего! – сказал я, надел пальто и пошел домой.
- В час ночи у меня зазвонил телефон.
- Это вам насчет анекдота звонят, – слышался в трубке его голос. – Просто не могу уснуть. Эта нога не выходит из головы!.. Ведь есть же здесь юмор?!
- Есть! – подтвердил я.
- Ну. Вот и я понимаю... Я же не дурак! Я же с образованием... Жене анекдот рассказал – она смеется. А чего смеется – не пойму... Это, случайно, не ответ армянского радио?
- Нет! – сказал я.
- Тогда просто не знаю, что делать, – захныкал он.
- Он позвонил мне на следующий вечер.
- Я тут советовался со специалистами, – сказал он. – Все утверждают, что повязка сползти не могла!
- Ну и черт с ней! – закричал я. – Не могла так не могла! Что вы от меня-то хотите?!
- Я хочу разобраться в этом вопросе, – сердито сказал он. – Для меня это дело принципа! Я на ответственной работе нахожусь. Я обязан быть остроумным!..
- Я бросил трубку.
- После этого он в течение нескольких дней звонил мне по телефону и даже приходил домой.
- Я ругался, возмущался, гнал его – все безуспешно. Он даже не обижался.
- Он смотрел на меня своими светлыми чистыми глазами и бубнил:
- Поймите, для меня это необходимо... Я же за границу часто выезжаю... У меня должно быть чувство юмора...
- Тогда я решил написать о нем рассказ. О человеке, который таинственные законы смеха хочет разложить с помощью сухой таблицы умножения.
- Свой рассказ я отнес в сатирический отдел одного журнала. Редактор долго смеялся.
- Ну и дуб! – говорил редактор. – Неужели такие бывают?
- Бывают, – сказал я. – Сам видел.
- Что ж, будем печатать, – сказал редактор.
- Потом он обнял меня и, наклонившись к самому уху, тихо спросил:
- Ну а мне-то вы по секрету скажете: что же у больного на самом деле болело?!
- Голова, – еле слышно произнес я.
- А почему же повязка на ноге?..
- Я понял, что этот рассказ вряд ли будет напечатан.

Случай на фабрике № 6

Все неприятности младшего технолога Ларичева происходили оттого, что он не умел ругаться. Спорить еще кое-как мог, хотя тоже неважно, очень редко повышал голос, но употребить при случае крепкое слово или, не дай бог, выражение был просто не в силах. От этого страдал он сам, а главное – работа.

Работал Ларичев на обувной фабрике № 6, на которой, в силу вековых традиций (все-таки обувщики – потомки языкастых сапожников), ругаться умели все: от директора до вахтера. Ругались не зло, но как-то смачно и вовремя, отчего наступало всеобщее взаимопонимание, недоступное лишь младшему технологу Ларичеву. Он, со своей путаной, слегка шепелявой речью, выпадал из общего круга и вносил бестолковщину. Мог, например, часами просить кладовщика выдать в цех «те» заготовки, а не «эти», а кладовщик вяло говорил, что «тех» нет, и диалог был скучным и бессмысленным, пока, наконец, не приходил разгневанный мастер и не начинал орать на кладовщика, тот орал в ответ, мастер посылал кладовщика «куда подальше», тот шел и приносил именно те заготовки, которые и требовались.

Ларичев знал, что за глаза его все прозвали «диетическим мужиком», что над ним посмеиваются, что его авторитет равен нулю, но не мог придумать, как это все изменить. И каждый раз, когда в конце месяца на фабрике наступал аврал и надо было ускорить темп работы, директор начинал кричать на своих заместителей, те – на старшего технолога, старший – на младшего, а тот, в свою очередь, должен был орать на мастеров, но не мог. И поскольку эта налаженная цепочка разрывалась именно на нем, то получалось, что в срыве плана виноват именно он, Ларичев, и тогда на него орали все. От этого у Ларичева начинало болеть сердце, он приходил домой бледный, сосал валидол и жаловался жене.

– Женечка, – ласково говорила ему жена, – так нельзя, милый... Ты тоже спуску не давай. Ты ругайся!

– Я не умею, – вздыхал Ларичев.

– Научись!

– Не получается.

– Не может быть, – говорила жена, – ты способный! Ты – интеллигентный человек, с высшим образованием... Ты обязан это освоить! Занимайся вечерами.

– Пробовал, – грустно отвечал Ларичев.

Он, действительно, несколько раз пробовал. Наедине, перед зеркалом. Подбегал к зеркалу с решительным намерением выпалить все, что о себе думает, но каждый раз, видя свое хилое отражение, ему хотелось плакать, а не материться.

– Но это все вредно для здоровья, – говорила жена. – Мне один доктор объяснял, что брань – это выплескивание отрицательных эмоций. Все выплескивают, а ты не выплескиваешь! Если не можешь сам этому научиться, возьми репетитора.

– Ладно, – согласился однажды Ларичев, когда у него особенно сильно разболелось сердце. – Попробую учиться...

Шофер фабричной автобазы Егор Клягин долго не мог понять, чего от него хочет этот очкастый инженер в кожаной шляпке.

– Понимаете, Егор Степанович, – стыдливо опустив глаза, бормотал Ларичев, – я советовался со сведущими людьми, и все единодушно утверждают, что лучше вас этому меня никто не научит...

– Чему «этому»?

– Ну, вот этому... В смысле выражений... Все говорят, что вы их знаете бесчисленное множество...

– Кто говорит-то? – возмутился Клягин. – Дать бы тому по сусалам, кто говорит!

– Нет-нет, они в хорошем смысле говорили! В смысле, так сказать, восхищения вашим словарным запасом...

– Слушайте! – сердито сказал Клягин. – Некогда мне с вами шутки шутить, Евгений Петрович! У меня здесь и так... – тут Клягин употребил несколько тех выражений, которые были так недоступны Ларичеву.

– Вот-вот, – обрадовался Ларичев. – Именно так! Ах, как вы это лихо! Ну, прошу вас... Всего несколько занятий. А я вам буду платить.

– Чего? – изумился Клягин. Он решил, что Ларичев просто издевается над ним, но тот смотрел серьезно и несколько печально. – Это как же платить?

– Почасово, – сказал Ларичев. – У меня есть товарищ, преподаватель английского языка... Он берет за час занятий пять рублей.

– Ну, он английскому учит, – усмехнулся Клягин, – а тут – родному... Хватит и трешника.

– Спасибо, – сказал Ларичев. – Вы очень любезны.

В субботу днем Ларичев отправил жену в кино, достал магнитофон, тетрадь, ручки. Задержал шторы.

Клягин пришел в назначенный час. Он был при костюме и галстук, выглядел торжественно и чуть неуверенно. Оглядел квартиру, попросил запереть дверь, поинтересовался слышимостью через стены.

– А то, знаете, соседи услышат – еще пятнадцать суток схлопочем.

Увидев магнитофон, Клягин заволновался:

– Это зачем? Уберите!

– Это для записей, – пояснил Ларичев. – Мне так запомнить будет проще и легче отрабатывать произношение...

– Уберите! – настаивал Клягин. – Это ж документ. И потом, на кой на эту гадость пленку переводить?

– Нет-нет, прошу вас, – взмолился Ларичев. – Без магнитофона мне поначалу будет трудно...

– Зря я в это дело ввязался, – вздохнул Клягин, однако, уступив просьбам Ларичева, сел за стол. Нервно закурил.

– Начнем, Егор Степанович! – Ларичев сел напротив, открыл тетрадку. – Прошу вас!

– Чего?

– Говорите!

– Да чего говорить-то?

– Слова, выражения... Только помедленней... И если можно, поясняйте принцип их употребления...

Клягин задумался, напрягся, пошевелил губами, с удивлением обнаружил, что беспричинно вспотел, но так ничего из себя и не выдал.

– Как-то не могу без разгона, – сказал он, вытирая лоб. – Не идет как-то...

– Может, чаю выпьем? – спросил Ларичев. – Вы не волнуйтесь.

Он принес чай, коржики.

– Если вам трудно, Егор Степанович, начните с более мягких слов... Попробуйте!

Клягин отхлебнул из чашки, снова задумался, наконец неуверенно произнес:

– Ну, например, «сука»...

– Так, – кивнул Ларичев, записывая слово в тетрадку, – хорошо. Ну и что?

– Ничего...

– Нет, я имею в виду, в каком смысле: «сука»?

– В обыкновенном, – пожал плечами Клягин. – Собака, значит, дамского полу...

– Это я знаю, – сказал Ларичев. – А как это употреблять?

– Да так и употребляйте...

– Нет, вы не поняли. Я хочу понять какую-то закономерность. Это слово употребляется в отношении одушевленного или неодушевленного предмета?

– Не знаю я...

– Ну, хорошо... Вот, например, отвертка... Она может быть этим... тем, что вы сказали?

– Отвертка? – удивился Клягин. – При чем здесь отвертка?

– Я в качестве примера... Вот, скажем, у рабочего вдруг потерялась отвертка... Может он ее так назвать?

– Если потерялась, тогда конечно...

– А если не потерялась?

– А если не потерялась, тогда чего уж... Тогда она просто отвертка!

– Понимаю, – обрадованно кивнул Ларичев. – Видите, как все любопытно... А о предмете мужского рода можно так говорить?

– Не знаю... Вроде бы нет.

– А вот у нас в цехе, когда сломался конвейер, то механики его тоже называли сукой. А ведь конвейер мужского рода, не так ли?

Клягин долго и внимательно смотрел на Ларичева, потом решительно встал из-за стола.

– Отпусти ты меня, ради Бога, Евгений Петрович! Ну тебя... У меня аж голова заболела! Брось дурью мучиться!

– Нет, что вы, пожалуйста... – Ларичев умоляюще схватил Клягина за рукав. – Ну, прервемся... Перекур!

– Не могу я так ругаться! – жалобно сказал Клягин. – Без причины у меня не получается. Куражу нет! Телевизор включите, что ли... Там сейчас хоккей.

Включили телевизор. Играли «Спартак» и «Химик». «Спартак» проигрывал. Клягин несколько минут мрачно наблюдал за экраном, что-то бормоча, а когда в ворота «Спартака» влетела пятая шайба, он побагровел, повернулся к Ларичеву и закричал:

– Ладно! Валяй, Евгений Петрович, записывай! Все по порядку. Начнем с вратаря... Знаешь, кто он?!

Последующие занятия проходили более гладко. Ларичев аккуратно записывал и запоминал все, чему его учил Клягин, потом наговаривал это на магнитофон и давал прослушать учителю. Браниться без помощи техники он пока не решался. Клягин понемногу стал входить во вкус педагогики, стал задавать домашние задания.

После десятого урока Клягин стал настаивать на практических занятиях.

– Ну чего мы воду толчем? – возмущался он. – Сидим здесь, закрывшись, как уголовники, и шепотом лаемся... А на людях ты, Петрович, уж извини, все такой же одуванчик: дунь – посыплешься! Ты применяй, чему научился, применяй.

– Повода пока не было, – вздыхал Ларичев.

– Какой тебе повод? Пришел на работу – вот и повод... А то что ж зря стараться? Я деньги зря брать не привык!

И тут на фабрике произошло очередное ЧП. Цех резиновой обуви запорол большую партию сапог. Впрочем, не то чтоб уж так запорол – просто голенища оказались припаянными к основанию несколько под углом, что придавало им забавный вид, хотя в носке это, возможно, и не очень бы мешало, если, конечно, приноровиться их надевать. Но ОТК сапоги не пропустил, и разразился скандал. Директор накричал на заместителя, тот, в свою очередь, – на старшего технолога, тот обругал младшего, а когда они пришли в цех, то старший мастер вдруг заявил, что с него спроса нет, поскольку все расчеты делал Ларичев, стало быть, он и виноват в неправильном смыкании голенища и подошвы.

– Это неправда! – сказал Ларичев. – Я вам докажу...

– А мне нечего доказывать, – сказал старший мастер.

– Я вам несколько раз объяснял...

– А мне нечего объяснять, – снова прервал его тот. – Молоды вы еще меня учить, товарищ Ларичев. Я здесь двадцать лет работаю! Я эти сапоги делал, когда вам мать еще сопلي вытирала!

Ларичев побледнел и смолк. Старший мастер понял, что разговор окончен, повернулся и спокойно пошел прочь.

Наблюдавший эту сцену Клягин подскочил к Ларичеву и зашипел ему в ухо:

– Ну?! Чего ж ты... Ну?! Уйдет ведь! – Он даже подтолкнул Ларичева в спину.

Тот сначала нерешительно пошел, потом побежал, догнал старшего мастера и, нервно кусая губы, тихо сказал:

– Немедленно извинитесь!

– Чего? – не понял мастер.

– Немедленно извинитесь!!!

– Да идите вы, товарищ Ларичев, знаете куда?!

Лицо Ларичева сделалось красным, подбородок задрожал.

– Вы... вы...

– Ну же! – не выдержав, крикнул Клягин.

– Вы... вы, – продолжал бормотать Ларичев и, вдруг схватившись за грудь, стал медленно оседать на пол.

Его подхватили, положили на диванчик в коридоре. Через двадцать минут приехала «скорая». Клягин помогал выносить Ларичева на носилках. Тот был бледен, слабо улыбался и все пытался что-то объяснить Клягину, но Клягин угрюмо сопел и не слушал.

Через два дня фотографию Ларичева повесили в красном уголке в черной рамке. На кладбище пришло много народа, выступал представитель фабкома, который охарактеризовал покойного как хорошего специалиста и человека, любимого коллективом.

Вечером Клягин пришел к вдове на поминки, и хотя пил мало, но был очень мрачен и ни с кем не разговаривал. Только попросил магнитофон и, выйдя с ним на лестничную площадку, долго курил.

На следующий день он пришел на фабрику с красными от бессонницы глазами, до одиннадцати работал, а потом зашел к дежурному вахтеру и попросил у него ключ от радиорубки.

Войдя в радиорубку, Клягин закрылся изнутри, сел за стол и включил микрофон. Когда в динамиках раздался треск, Клягин немножко оробел, но тут же взял себя в руки и глухо произнес:

– Аллю! Это Клягин говорит... Шофер Клягин Егор Степанович... Знаете, в общем...

Сквозь окно радиорубки он увидел, как работавшие в цехах люди удивленно подняли головы.

– Стало быть, вот что, – продолжал Клягин, – похоронили мы вчера, стало быть, нашего товарища... технолога... Ларичева Евгения Петровича. Это больно всем нам, что и говорить... Потому что, я вам скажу, замечательный он был человек, нежной души... и так далее... Очень хороший он был, Ларичев... Евгений Петрович...

В дверь радиорубки кто-то постучал, но Клягин даже не повернул головы.

– И вот что я вам теперь скажу, дорогие мои, – продолжал он, – конечно, здоровье у него было слабенькое, никто вроде не виноват, но я вам так скажу – на всех вина, а на мне, может, больше других... Он какой был человек?... Он – чуткий был человек, чистый... И он страдал от нашего с вами хамства. Он, можно сказать, ломал себя под нас... Понимаете?... Ну, сейчас поймете, кто не понимает... Слушайте сами... Женщинам разрешаю выйти!

Клягин достал из кармана пленку, поставил на магнитофон, включил. Раздалось шипение, а потом тихий голос Ларичева начал медленно и неуверенно выговаривать тяжелые, неповоротливые, совсем чужие для него слова...

Потом кто-то встал. Потом стали подниматься остальные... Клягин терпеливо ждал, пока пленка закончится. И все стоявшие молча ждали, а когда она кончилась, еще молчали несколько секунд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.